B94
537

№ 49249
XV — № 232
В 94 537
Брош I 93.

Юрій Шамуринъ.

СВЯТАЯ ВОЙНА.

МОСКВА.
1914.

Bibliotheca Regia
Monacensis

В94537

Юрій Шамуринъ.

СВЯТАЯ ВОЙНА.

49249
Кн-т 292.

МОСКВА.
1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
739388 V √
М

МОСКВА,
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., с. д.
1914.

...Рокъ намъ изъ мрака зовущую руку
простеръ...

Вячеславъ Ивановъ.

Но въ часъ сраженій, въ ратномъ строѣ,
Всѣ—съ грудью грудь! и тотъ не правъ,
Кто назначенье міровое
Продать способенъ, какъ Исавъ!

Пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи видѣть суждено,
Что мы предъ ними—только дѣти,
Что наше время—лишь звено!

Валерій Брюсовъ.

Бѣгутъ дѣла и дни, мелькаютъ, какъ играющія тѣни, событія. Весь смыслъ ихъ откроется въ будущемъ. Ничтожное станетъ вѣчнымъ, важное для насъ, можетъ быть, развѣется безслѣдно.

Зналъ ли римскій воинъ, державшій гвозди при распятіи Христа, что истомно-душный день казни положитъ грань новому міру и никогда не забудется человѣчествомъ?

Теперь, въ дни войны, мы вѣримъ, что совершаются великія событія. Перекраивается карта Европы, рушатся грозные истуканы на глиняныхъ ногахъ, возникаютъ и выходятъ на арену міра народы-рабы, только что сорвавшіе цѣпи.

Нарушена жизнь всего міра. Тысячи жизней уноситъ каждая минута. „Міровая катастрофа!“—кричатъ газеты—„Европа въ огнѣ!“

Но смѣняются дни, и приходитъ вѣра, что всѣ громкіе заголовки, всѣ тревожные голоса не охватываютъ всей шири и глубины совершающагося. Впереди, за грохочущей ареной сраженій, еще неясныя виднѣются очертанія величественнаго храма будущаго. Еще смутно вырисовываются его свѣтлыя главы, еще призраченъ онъ самъ—но уже манитъ сердца неизъяснимымъ трепетомъ. Всѣ надежды человѣчества, всѣ мечты и молитвы соткали его стѣны и узорныя башни.

Рушился машинный ходъ жизни. Передъ разбушевавшимися стихіями духа безсильна инерція привычки и равнодушія. Настало время воплотиться завѣтнымъ чаяньямъ; настало время сбросить ветхія отрепья, носимыя человѣчествомъ изъ лѣни...

Довольно ненависти, молчанія и разъединенія! Довольно неосуществленныхъ рѣшеній и неоправданныхъ дѣлъ!

* * *

Въ наши блѣдные дни ворвался космическій ураганъ. И въ тяжелыхъ мукахъ родится новое человѣчество, новая жизнь, о которой и подумать не умѣли раньше. Смиренные пасынки грядущаго, мы смѣемъ только предчувствовать его приходъ: знать будутъ другія поколѣнія, способныя принять его...

Уже давно нависала надъ міромъ скука. Тянулись вялые однообразные дни. Не было ни вѣры, ни творчества, осеннимъ дождемъ тянулись безысходные будни. Только „танго“ звучало. Дѣла каждаго дня мертвили душу.

Самое яркое и волнующее, что приносили газеты — вѣсти о преступленіяхъ. И въ эти недавніе дни, въ совсѣмъ еще вчерашніе, человѣчество, задыхаясь въ тенетахъ повседневности, завистливо оглядывалось назадъ.

Тамъ, на равнинахъ минувшаго, были пылающія души, великія цѣли. Тамъ жизнь сверкала страстями, былъ въ ней ясный смыслъ и одушевленіе...

Нѣсколько дней пролетѣло. Они пронеслись, какъ удары гигантскаго молота по гулкой наковальнѣ. Занялось надъ міромъ кровавое зарево, и въ свѣтѣ его мгновенно разверзлась тайна недавнихъ будней: было тихо и скучно, потому что въ глуби назрѣвала буря, потому что въ безмолвіи накоплялись силы. Словно передъ лѣтней грозой. Душенъ, томителенъ неподвижный воздухъ. Молчатъ деревья и птицы притихли, и, пока кроткія, клубятся надъ полями грозовыя тучи...

* * *

Налетѣла нежданно гроза. Вѣсти о нотахъ, ультиматумы, реляціи о сраженіяхъ—все это только пыль

и щепки, разносимыя бурей. Кромѣ видимой, необычной только размѣрами, драмы на театрахъ войны, есть еще незримая, могучая Божья гроза. Она носится въ душахъ людей всего міра. Она всюду мечетъ свои молніи, укрѣпляя однихъ каменной вѣрой, поражая на смерть сердца другихъ, еще наружно спокойныхъ и крѣпкихъ, еще гремящихъ оружіемъ.

Снова, какъ въ библейскія времена, приблизился Богъ къ землѣ и послалъ міру что-то болѣе важное и могучее, чѣмъ всѣ бои милліонныхъ армій...

И страшно, и радостно стоять на порогѣ невѣдомаго. Никто не знаетъ, что будетъ, но уже не найдетъ жизнь возврата къ старому. Зарево войны, зловѣщее, пылающее какъ кровь, перейдетъ въ зарю новаго блаженнаго дня.

Всѣ вѣримъ. Всѣ ждемъ его—враги, друзья, гордые и приниженные, мудрецы и покорные люди. Всѣ жаждемъ увидѣть хоть край сверкающихъ одеждъ Грядущаго. И передъ нимъ нѣтъ злобы, нѣтъ смерти: развѣ подвластны земной суетѣ исполнители высшихъ велѣній?

Уже совершилось, совершается чудо. Нѣтъ дряблыхъ и дрянныхъ сердецъ, малодушные становятся героями, земныя блага теряютъ свою власть и цѣнность. Безъ трепета принимаетъ земля пролитую кровь—жертвенное вино. Всѣ, услышавшіе великій призывъ, стали братьями, и никогда еще не горѣло на землѣ такое пламя любви и общности...

Гдѣ трусы и хищники? Гдѣ размѣренные себялюбцы, лжецы и самоубійцы?..

Молніи, сверкающія надъ міромъ, выжгли въ душахъ все, кромѣ золота.

ГОСУДАРСТВ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

* * *

Война—имя высшаго зла, высшаго ужаса, оплетенное столькими проклятіями и скорбными плачами, становится Божьимъ служеніемъ...

Война... Страшное слово, заклейменное моралистами, окрашенное безуміемъ, вѣющее ужасомъ. Уже давно осудило ее человѣческое сознаніе, и все же она жива. Жива, какъ смерть, тоже осужденная человѣкомъ и все же вѣчная. И надѣется смятенная душа, изнемогающая среди налетѣвшихъ вихрей, что какъ когда-то Сынъ Божій побѣдилъ смерть, „смертью смерть поправъ", такъ и мы, покорные Высшей волѣ, вступаемъ въ послѣднюю битву на землѣ, „войной войну поправъ".

* * *

Океанъ жизни клокочетъ не отъ вѣтровъ, волнующихъ поверхность; его взрываютъ и мечутъ вулканическія силы. Экономическія и политическія причины, милитаризмъ, развитіе капитализма—все это только рябь, пѣна отъ глубокихъ потрясеній...

Приходятъ въ исторіи минуты, когда взрываются дремлющія стихійныя силы; словно въ вулканической катастрофѣ преображаются многолѣтнія формы, и на мѣстѣ горной вершины уже зіяетъ бездонная пропасть...

Міръ потрясенъ не потому, что положенъ предѣлъ тевтонскому кулаку. Радостныя предчувствія наводняютъ душу не потому, что возрождается славянство, что его военная сила оказывается выше германской. Германія или другая, славянская, держава будетъ грозить міру бронированнымъ кулакомъ, разницы нѣтъ. Пусть славянство многое принесетъ міру: его культура способна къ безпредѣльному развитію, она вольетъ

новую кровь въ изсохшія жилы Европы — все это не оправданіе теперешней великой войны. Въ битвѣ расъ, въ біологической борьбѣ за существованіе, за мѣсто на солнцѣ, нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Нѣтъ ни отмѣченныхъ Богомъ, ни обреченныхъ на гибель!

Они есть тамъ, гдѣ рушатся темныя силы прошлаго и родится новый свѣтъ міру. Тамъ, гдѣ приближается къ землѣ, хоть на одинъ шагъ, вѣковѣчная, недостижимая какъ солнце, Правда...

Война за Правду—всегда подвигъ, всегда мученичество. И имя ея — святая война.

* * *

Было время, еще совсѣмъ недавно, нѣсколько дней всего, когда съ тоской и печалью хотѣлось смотрѣть на человѣчество. Лгутъ, наживаютъ, хитрятъ въ политикѣ и въ жизни. Плетутся въ вѣковой запряжкѣ „буржуа“ Запада, и блуждаетъ въ потемкахъ, въ тенетахъ противорѣчій, неприспособленная къ жизни русская душа. Только и радости было вѣрить, что когда-нибудь придутъ великодушные, мощные, пламенные. Придутъ и преобразятъ жизнь.

Но грянулъ набатъ и прозвучалъ повсюду,какъ труба Архангела, скликая на битву за Правду, за высшія формы духа и жизни. Человѣчество, сбросившее свои мелочныя заботы, едино и прекрасно!

Послѣ долгихъ лѣтъ плѣна возстаетъ человѣчество на своихъ поработителей. (Вѣдь порабощаютъ не только оружіемъ, но и дурнымъ примѣромъ). Міръ встаетъ на Пруссію. „Пруссія“ — вѣдь она сковали не только Германію: она всѣ народы поработила духовно, заразила своимъ отравленнымъ духомъ. Теперь, разби-

вая Пруссію, рушать народы позорныя страницы своего прошлаго...

Когда-то христіанство покорило міръ. Такъ же покорила его въ XIX вѣкѣ Пруссія, внушивъ культъ грубой силы и насилія. Весь удушливый матеріализмъ, вся черствость и злобность нашего вѣка — рождены Пруссіей.

Единственная вѣра ея—упованіе на оружіе, на все, что колетъ, рубитъ и взрываетъ. Свобода отъ „сентиментальности“, то-есть всего того духовнаго балласта, ненужнаго насильникамъ и тупоумнымъ, который выработанъ вѣками духовной культуры. Имъ странно слышать о совѣсти, о правѣ, о справедливости даже!

„Мы готовы! Пусть придутъ!“—единственный завѣтъ и отвѣтъ.

* * *

Какъ Помпея подъ лавой, видится гдѣ-то въ прошломъ Германія стараго времени: вдохновенная и мечтательная, народъ музыкантовъ, философовъ и поэтовъ. Когда-то она была опорой европейскаго міровоззрѣнія, очагомъ свободной мысли. Она боролась съ католицизмомъ, и съ его мистическихъ высотъ сводила человѣка на землю, славила великія силы его души. Звала развивать ихъ, строить жизнь, итти въ ней дружнымъ и твердымъ шагомъ. Старая Германія Канта, Гёте и Шиллера стала легендой. Она изжила себя. Вѣковѣчная линія германской культуры, славящая свободнаго человѣка и его душу, перешла какую-то грань, отдѣляющую хожденіе по землѣ отъ погрязанія въ ней.

Здоровый, драгоцѣнный для міра толчокъ, данный ея мыслителями, передался слишкомъ далеко. Слишкомъ

покойно стало на уютной землѣ, подъ небомъ, отданнымъ „воробьямъ да птицамъ небеснымъ“. Германскій народъ оглушила жажда комфорта и наживы. Служеніе грубой полезности не проходитъ даромъ: когда-то поставлявшая міру философовъ и музыкантовъ, Германія осталась въ позѣ к у л ь т у р т р е г е р а, одаряя міръ эмалированной посудой и бумажными воротничками. Убившая душу въ ея вѣчныхъ, фаустовскихъ „безплодныхъ“ устремленіяхъ, она знаетъ только комфортъ, индивидуальный и соціальный. Свой пафосъ она черпаетъ въ примитивномъ лозунгѣ: „бей!“ и „наживай!“ Такъ на двухъ полюсахъ развитія матеріалистической культуры слились воедино міропониманія двухъ вѣковъ—каменнаго и электрическаго.

* * *

Пруссія покорила Германію. Пруссія, духовная пустыня, не имѣющая ни искусства, ни религіи, ни пѣсенъ, ни идей, умѣющая только кощунственно жонглировать именемъ Бога, прикрывая имъ свои торговыя и захватныя дѣла, сковала и извратила германскій народъ. Ея мертвящее дыханіе леденитъ міръ: отвлекая всѣ силы его на защиту, на вѣчную готовность къ борьбѣ. Звучатъ ея наглые гимны торжествующей силѣ. Нѣтъ ни правды, ни совѣсти, ни красоты—есть только насиліе. Есть только пустыня, ощетинившаяся штыками, и надъ ней высится ея символъ, ея геніальное воплощеніе—образъ бронированнаго хама, голова вепря съ нелѣпо торчащими усами...

Самоупоенная, убѣжденно, принципіально ограниченная страна рабочихъ воловъ — она обречена на гибель, какъ всякая зазнавшаяся культура. У нея еще есть наука, единственное, хотя и косвенное служеніе духу, но наука-то передъ лицомъ Правды и Бога является

не большимъ оправданіемъ, чѣмъ металлургическая промышленность.

Разрушеніе вавилонской башни—глубочайшій символъ міровой исторіи. Слишкомъ прочно усѣвшіеся на землѣ, бросившіе Богу вызовъ забвеніемъ о Немъ—погибаютъ! Много башенъ рухнуло въ пропасть: Вавилонъ, Римъ, Франція XVIII вѣка. Рухнетъ въ нее и Германія...

Всему міру, ослѣпленному крикомъ и внѣшними успѣхами Пруссіи, стала она руководящей звѣздой. Всѣ государства шли за ней. Но опомнились быстро народы. Опомнили ихъ художники, говорившіе о Богѣ, о глубинахъ души, опомнили Достоевскій и Толстой.

Пруссія должна погибнуть. Не потому, что у ея противниковъ больше штыковъ и пушекъ, а потому, что она стала камнемъ на пути человѣчества. Міровая справедливость и логика противъ нея. Въ этомъ скрытый, предчувствуемый смыслъ разыгравшейся войны, с в я т о й в о й н ы!

* * *

Народы брошены въ войну стихійной силой, вложенной во всякую жизнь, ведущей ее къ незнаемой великой цѣли. Такъ рѣки весной ломаютъ льдины, чтобы вырваться къ солнцу и разлиться широко по полямъ.

Когда-то Вильгельмъ сказалъ, указывая на панмонголизмъ: „Народы Европы, берегите свои священныя права!“ Міръ внялъ ему, но понялъ глубже...

Не случайно, что славяне и больше всего Россія противостали Пруссіи. Нѣтъ болѣе противоположныхъ культуръ и характеровъ, чѣмъ русскіе и нѣмцы. Намъ не понять никогда другъ-друга. Имъ смѣшна наша религіозность, наши мистическіе порывы, наши „без-

плодныя думы о невозможномъ", наша вѣчная неудовлетворенность.

Намъ противно ихъ намѣренное тупоуміе, ихъ самодовольная аккуратность, ихъ бахвальство силой и богатствомъ.

Это различіе неистребимо: оно сильнѣе всѣхъ экономическихъ и политическихъ интересовъ.

Что бы мы ни говорили міру, нашъ главный антагонистъ словомъ и дѣломъ—нѣмецъ. Антихристъ для насъ: „религіозный самозванецъ, прикрывающій дѣла и слова, чуждыя Христу и духу Его" *). Нѣмецкія слова о Богѣ будутъ для насъ всегда словами Антихриста и кощунствомъ...

* * *

Богоносцемъ назвалъ русскій народъ Достоевскій. Онъ вѣрилъ, что нашъ народъ несетъ міру новое слово, новое религіозное сознаніе. Нашлось мало повѣрившихъ Достоевскому всѣмъ сердцемъ. Но геній не ошибается: онъ видитъ то, что еще скрыто отъ людей.

Еще и теперь русскій народъ спитъ духовнымъ сномъ. И складъ жизни его, и складъ мысли его интеллигенціи скроенъ изъ лоскутьевъ мѣщанскаго міровоззрѣнія, типичнаго для западныхъ странъ, и дешеваго отрицанія, вполнѣ самобытнаго....

На аванпостахъ же мысли и творчества уже видятъ новый свѣтъ, предчувствованный геніемъ Достоевскаго. Русское искусство, русская мысль, исходя изъ какихъ угодно истоковъ, неизмѣнно возвращается къ небу Таковъ грядущій путь русской культуры. Такова ли-

*) Владиміръ Соловьевъ. «Три разговора».

нія будущаго дѣйствія, вѣхи котораго, еще не осознанныя, уже намѣчены.

Культура русская и прусская стоятъ на противоположныхъ полюсахъ. Борьба неизбѣжна. Единственнымъ оружіемъ воинствующаго германизма въ этой борьбѣ культуръ является война. Но мечъ могучъ въ рукахъ только того, кто въ призывѣ къ битвамъ слышитъ велѣніе Бога!...

Мы, славяне, слышимъ его. Въ святую битву мы идемъ спокойные, какъ небесные воины, окружающіе на нашихъ старыхъ иконахъ престолъ Божій.

* * *

Много вѣковъ тому назадъ мертвящая сила, подобная германизму, татарская орда бросилась на Европу, сметая все на своемъ пути. Три вѣка принимала Русь ея удары: цѣной ея ранъ, позора и угнетенія былъ купленъ покой и самая жизнь Европы.

Лѣтописи и народныя сказанія сохранили разсказы о битвахъ съ татарами. Шли на нихъ наши предки, просвѣтленные молитвой, воодушевленные вѣрой въ творимое Божье дѣло. Они не знали неудачъ въ правомъ дѣлѣ: пораженія были для нихъ только испытаніями.

Теперь вновь идетъ угроза міру, но уже съ Запада. И если русскій народъ идетъ въ битву съ тою же вѣрою, какъ когда-то шелъ на татаръ, торжество близко.

Пусть завязавшаяся святая война — не конечная битва,—побѣда придетъ!

Славянство побѣдитъ. Оно Богомъ обречено на побѣду, потому что жребій его—на мѣсто грубой, безысходно низменной тевтонской культуры, скова-

вшей міръ, упрочить новую духовность, открывающую просторъ для великихъ путей человѣчества.

Мы освободимъ германскій народъ. Пораженіе Германіи будетъ гибелью послѣдней „вавилонской башни". Оно будетъ великимъ кризисомъ, очистительнымъ огнемъ, спаляющимъ язвы современности.

Наступитъ мигъ, когда—

... народы, распри позабывъ,
Въ великую семью соединятся.

(Пушкинъ.)

Послѣднія цѣпи сброситъ человѣчество...

* * *

Наступило время великаго русскаго дѣйствія. Да будетъ побѣдоносная война и гибель германизма его первой подготовительной ступенью! За ней придетъ огромный взрывъ творческихъ силъ. Совершится переломъ, какого еще не вѣдалъ міръ. Мы разбудимъ, потрясемъ задремавшую на покоѣ душу человѣка. Проснется совѣсть міра и всепроницающимъ сіяніемъ озаритъ жизнь до самыхъ глухихъ ея закоулковъ. Имя Христа, лицемѣрно повторяемое устами, воцарится въ сердцахъ.

Мы дадимъ человѣчеству, нашедшему опору въ общеніи съ вѣчнымъ, огненную мощь для еще невиданныхъ, еще невообразимыхъ дѣлъ. Безбрежныя голубыя дали откроются на землѣ...

Спадутъ оковы духа. Въ грозовые миги сердце работаетъ напряженно: въ минуту совершается работа вѣковъ.

Пусть грядущій расцвѣтъ творчества и вдохновенная напряженность жизни искупятъ тѣ жертвы, которыя приносятся теперь, въ послѣднихъ ударахъ издыхающему германизму.

ГОСУДАРСТВ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОР...СКАЯ БИБЛИОТЕКА

Цѣна 10 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Контора журнала „МУЗЫКА“.
Москва, Остоженка, Троицкій пер. 5. Телефонъ 2-10-98.